

УДК 82.091

И. Е. Адельгейм

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.14

«Путешествовать, (не) спотыкаясь об историю...»:**Центральная Европа и Балканы****в травелогах Анджея Стасюка**

Адельгейм Ирина Евгеньевна

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: adelgejm@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5208-0848

Цитирование*Адельгейм И. Е.* «Путешествовать, (не) спотыкаясь об историю...»:

Центральная Европа и Балканы в травелогах Анджея Стасюка //

Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 309–324. DOI: 10.31168/2073-

5731.2025.1-2.14

Статья поступила в редакцию 06.02.2025.

Рецензирование завершено 11.02.2025.

Статья принята к публикации 18.03.2025.

Аннотация

Статья посвящена связанной с пространством центрально-европейской провинции и Балкан путевой прозе Анджея Стасюка, одного из ведущих современных польских писателей. Исследуются прежде всего травелоги «На пути в Бабадаг» (2004), «Фадон» (2006) и «Дневник, писавшийся позже» (2010), анализ которых позволяет проследить изменение нарративной стратегии автора в связи со стремлением избежать исторического измерения описываемого пространства («На пути в Бабадаг», «Фадон») или, напротив, пережить его максимально полно («Дневник, писавшийся позже»). Ключевыми для восприятия повествователем периферии Центральной и Юго-Восточной Европы оказываются категории распада и безвременья, а текстообразующими эмоциями – меланхолия («На пути в Бабадаг», «Фадон») и страх («Дневник, писавшийся позже»). Анализируются способы реконструкции пути и памяти о нем, самоощущение повествователя как *своего* / *чужого* по отношению к переживаемому пространству, а также, с одной стороны, попытка избежать исторической перспективы (что позволяет достичь иллюзии

пространственного равновесия в болезненном для польской ментальности семантическом поле *Восток / Запад*), с другой – опыт столкновения с Историей. Переживание памяти пространства Балкан о войне приводит повествователя «Дневника, писавшего позже» к осознанию невозможности избежать рефлексии о бремени польской ментальности и польской коллективной памяти, базирующейся на культе мариологии.

Ключевые слова

Пространство, фотографическое видение, память, историческая перспектива, Восток / Запад, война на Балканах.

Анджей Стасюк (р. 1960) – один из ключевых представителей молодой польской прозы, обеспечивших после 1989 г. обновление художественного языка¹, фигура, не просто оставшаяся в литературе, но активно в ней живущая: «одним из важнейших феноменов нашей литературы последних тридцати лет», одним из «живых классиков»² называет писателя польский литературовед Я. Фазан. Дебютировал нашумевшими «эпифаниями из камеры»³ – сборником рассказов «Стены Хеврона» (1992), написанных на основе собственного опыта тюремного заключения (за дезертирство из армии). Затем – автор бестселлера «Белый ворон» (1995), одного из самых ярких эпизодов «прозы инициации» 1990-х гг., задавшего интереснейшую ее модель (проза повторной инициации). После «Галицийских рассказов» (1995) и «Дукли» (1997) его, еще в 1987 г. перебравшегося в Нижние Бескиды, стали называть летописцем и бардом польской провинции⁴.

Большая часть дальнейшего творчества Стасюка связана с его путешествиями (которые скорее следовало бы назвать медитативными странствиями) – в основном, но не только – по Центральной и Юго-Восточной Европе. «Меня снова охватывало чувство, что я уже много лет просто

1 Подробнее см.: Адельгейм И. Е. Поэтика «промежутка»: молодая польская проза после 1989 года. М., 2005.

2 Fazan J. Andrzej Stasiuk, syn swego kraju. URL: <https://wiesz.pl/2021/06/06/stasiuk-syn-swego-kraju/> (дата обращения: 27.01.2025).

3 Pilch J. Epifanie spod celi // BruLion. 1991. № 17–18. S. 13.

4 Fazan J. “Kundel, hiena, mieszaniec”. Geopolityczne wyprawy Andrzeja Stasiuka // W ogrodzie świata: profesorowi Aleksandrowi Fiutowi na siedemdziesiątę urodziny. Kraków, 2015. S. 192.

таскаюсь по миру без какого-либо плана и цели»⁵, – пишет он в 2010 г. Неслучайно в оригинальном названии наиболее известного его травелога – «Jadąc do Babadag» (в русском переводе – «На пути в Бабадаг») – фигурирует деепричастная форма глагола «ехать», акцентирующая именно состояние нахождения в пути (характерно также, что в англоязычном переводе присутствует аллюзия на роман Д. Керуака «В дороге»: «On the Road to Babadag: Travels in the Other Europe»). «Путешествие для меня – штука метафизическая, сродни молитве. Необходимость»⁶, – признается писатель в интервью, а в одном из своих травелогов выражается еще более категорически: «Путешествовать означает жить»⁷.

Книги «На пути в Бабадаг» (2004), «Фадон» (2006), «Дойчланд» (2007), «Дневник, писавшийся позже» (2010), «Нет экспрессов на желтых дорогах» (2013), «Восток» (2014) целиком или преимущественно относятся к жанру путевой прозы, включающей в себя автобиографическое измерение и фиксирующей опыт перемещения повествователя – «странствующей фигуры»⁸ – в реальном пространстве. Это повествование, в котором оптика реконструкции пути играет роль и структуро-, и смыслообразующую, вариант травелога, понимаемого как «метатекст, в котором параллельно разворачиваются реальное передвижение в пространстве и нарратив об этом передвижении»⁹. Будучи «текстом, созданным по следам реальной поездки»¹⁰, повествование Стасюка призвано, однако, не зафиксировать увиденное, а скорее имитировать процесс припоминания, а уже он реконструирует процесс видения: «...все это припоминание [...], постоянные возвращения, то, что я таращусь в заднее стекло памяти, эта лирика утраты, это славянское on the road, которое я сейчас выстукиваю на клавиатуре [...] – вовсе не затем, чтобы запомнить, а затем, чтобы

5 Stasiuk A. Dziennik pisany później. Wołowiec, 2010. S. 36.

6 Stasiuk A. Podróże jak modlitwy. URL: <https://www.rp.pl/telewizja/art-15173101-podroze-jak-modlitwy> (дата обращения: 27.01.2025).

7 Stasiuk A. Fado. Wołowiec, 2006. S. 39.

8 Безруков А. Н. Феноменология путешествия в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Ф. М. Достоевского // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы. Коллективная монография. Новосибирск, 2016. С. 186.

9 Пономарев Е. Травелог vs. путевой очерк: постколониализм российского извода. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/166_nlo_6_2020/article/22969/ (дата обращения: 27.01.2025).

10 Там же.

постоянно заново вспоминать, начинать снова и снова, пока мысль и мираж окончательно не заслонят реальность [...]. Ехать – это ерунда. Самое главное начинается потом...»¹¹ Достаточно точно отражает этот механизм заглавие-оксюморон балканского травелога Стасюка – «Дневник, писавшийся позже».

Целью является не конечный пункт маршрута (который, даже будучи вынесен в заглавие, как в книге «На пути в Бабадаг», существует в сознании повествователя скорее потенциально-символически: «Бабадаг: два раза в жизни, два раза по десять минут. Из таких фрагментов состоит мир, из осколков горячего сна, из миражей...»¹²), но продолжение в тексте бесконечно личного взаимодействия повествователя с пространством. Отсюда – возможность сколь угодно многократных возвращений в любую точку в реальности и в памяти («Всякий раз всё иначе»¹³), отсюда и демонстративно аморфная форма: «...laterna magica совпадений, случайностей и приключений, слагающихся в повесть, что катится во все стороны и не может иначе, потому что связана с памятью и пространством, а те ведь начинаются произвольно и не имеют конца»¹⁴. Сохраненные памятью картинки нередко накладываются, подменяют друг друга, «соприкасаются, пронизывают друг друга, освобожденные от причинно-следственных связей, покрывают пространство и время ровным полупрозрачным слоем», а память «воспроизводит их в любом направлении – назад, вперед или параллельно, им все нипочем»¹⁵. Любая точка Центральной Европы Стасюка (и, соответственно, любой переживаемый им постфактум «кадр») отсылает к целому и является его воплощением: «Да, такова моя Венгрия. Я могу взять ее с собой, перенести в любое место, и она нисколько не утратит четкости. Словно негатив или слайд, на который я направляю свет памяти»¹⁶.

Используемое в «На пути в Бабадаг» и «Фад» фотографическое видение¹⁷, которое позволяет словно бы скользить по поверхности

11 Stasiuk A. Fado. S. 9.

12 Стасюк А. На пути в Бабадаг / пер. И. Адельгейм. М., 2009. С. 242–243.

13 Życie to jednak strata jest. Andrzej Stasiuk w rozmowach z Dorotą Wodecką. Wołowiec, 2015. S. 176.

14 Стасюк А. На пути... С. 212.

15 Там же. С. 156.

16 Там же. С. 215.

17 Подробнее см.: Адельгейм И. Е. «Вечное настоящее». Фотографическое видение Анджея Стасюка («На пути в Бабадаг») // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 295–311.

реальности (подтверждая формулу С. Зонтаг, «фотографирование, по существу, – акт невмешательства»¹⁸), дает повествователю возможность избежать исторического измерения. Его вообще пугает мысль о перспективе поглощения временем пространства (которое само по себе представляется «вечным настоящим»¹⁹). Подобно фотоаппарату, память повествователя словно бы изымает все то, что «попало в кадр», из временного потока: кадрируя таким образом движение жизни, повествователь сперва «останавливает» его, а затем – в памяти и тексте – бесконечно оживляет сохраненные картинки. В результате это, с одной стороны, способствует интенсивности переживания («Путешествовать – значит [...] жить вдвойне, втройне, многократно»²⁰) и дарит очередную «иллюзию бессмертия»²¹, с другой – оборачивается мучительными сомнениями, которые побуждают отправляться в путь (в реальности и в тексте) вновь и вновь, чтобы убедиться – мир продолжает существовать: «...как только что-то исчезает из поля моего зрения [...], меня всегда терзает мысль: вдруг оно исчезло навсегда и никто больше этого не видел, и теперь мне остается только без конца рассказывать об этом...»²². Повествование Стасюка нередко уподобляется показу слайдов, подтверждая мысль Р. Барта о том, что фотография – «не что иное, как непрерывный зачин из этих “Посмотри”»²³ (в роли которых выступают бесконечные «это было», «однажды», «я помню»).

«Стасюк никогда не был писателем палимпсестов, его интригует поверхность, а не наслоения прошлого»²⁴, – замечает А. Баглаевский. Писатель подтверждает это наблюдение и, более того, охотно декларирует «антиисторичность» своей оптики: «Я одержим этим – попытками оспорить историчность Центральной Европы. Я размышляю, можно ли путешествовать по ней, не спотыкаясь то и дело об историю и ее – как правило проклятые – смыслы»²⁵. В эссе «Судовой журнал» (2000), посвященном Центральной Европе и воображаемому

18 *Сонтаг С.* О фотографии. М., 2014. С. 23.

19 *Стасюк А.* На пути... С. 154.

20 *Stasiuk A.* Fado. S. 39.

21 *Стасюк А.* На пути... С. 212.

22 Там же. С. 154–155, 202.

23 *Барт Р.* Camera lucida. М., 1997. С. 12.

24 *Baglajewski A.* Mapa, podróż, czas // *Kresy*. 2004. № 4. S. 96.

25 *Patroszenie świata. Z Andrzejem Stasiukiem rozmawiają Katarzyna Janowska i Piotr Mucharski* // *Tygodnik Powszechny*. 2002. № 14. S. 9.

картографированию региона, Стасюк говорил о своем стремлении избежать исторической перспективы: «Я всегда был одержим географией и никогда – историей, чья полумертвая, начинающая разлагаться туша так долго питала жителей наших краев. География же сродни откровению, и это одна из немногих вещей, которые нам удалось не запороть»²⁶. За этой психологически-нарративной стратегией (в «На пути в Бабадаг» и «Фадо») можно увидеть попытку достичь пространственного равновесия (или, точнее, его иллюзии) в болезненном семантическом поле *Польша / Центральная Европа / Европа*.

Травелог же «Дневник, писавшийся позже», в центре которого – Сербия и Босния, оказывается, напротив, столкновением с Историей, причем столкновением намеренным: цель пути здесь – увидеть следы «последней европейской войны»²⁷.

Если в «Бабадаг» и «Фадо» взгляд скользил по поверхности, фиксируя пейзажи, строения и фигуры («Из невысокого углового дома вышла толстая смуглая женщина, выплеснула мыльную воду на асфальт [...]. Сделав еще несколько шагов, я разглядел в низком открытом окне интерьер большой комнаты. [...] Чуть дальше, совсем одна, стояла девушка в красном платье. Кажется, очень красивая. Она смотрела куда-то вбок, в сторону, где ничего не происходило. Я видел ее мгновение, а потом красный огонек померк в зеркале заднего вида»²⁸; «Одноэтажные строения тянулись вдоль одной-единственной улицы. Мы пошли вперед по узенькому тротуару. Обнаружили желтую синагогу. Ее венчали четыре жестяных купола. Сводчатые окна были черны и мертвы. [...] Проехала машина, еще одна, потом все стихло»²⁹), то здесь повествователь чаще заходит внутрь, здесь гораздо больше конкретного человека – человеческого поведения: «Предыдущую ночь мы провели в сербском доме. Хозяин говорил не переставая. [...] Иногда я выходил подышать холодным воздухом и послушать доносившийся издалека шум города. Хозяин говорил и показывал след от хорватской пули. Он говорил, а худая, выцветшая жена поддакивала»³⁰.

«На пути в Бабадаг» и «Фадо» можно назвать апологией бытия на грани небытия, меланхолическим переживанием «Европы забытых

26 Stasiuk A. Dziennik... S. 120.

27 Ibid. S. 88.

28 Стасюк А. На пути... С. 27–29.

29 Stasiuk A. Fado. S. 17.

30 Stasiuk A. Dziennik... S. 118–119.

периферий»³¹ (неслучайно в английском переводе название снабжено интригующим «уточнением» – «Travels in the Other Europe» / букв. «путешествие в иную Европу»). Рисуя территорию «постиндустриального “бардака”»³², живописной постсоциалистической разрухи, повествователь иронически говорит о своей «извращенной страсти ко всему исчезающему, рассеивающемуся и разрушающемуся»³³, однако аморфность пространства и времени Центральной и Юго-Восточной Европы, этот болезненно притягательный «вечный закат»³⁴ центральноевропейской провинции имеет для него свою психологическую прагматику – он видится иллюзией бессмертия: «...“завтра” здесь, в сущности, никогда не наступает...»; жизнь здесь «тлеет спокойно и медленно, словно убеждена в собственной бесконечности»; «Появиться на свет в Хуши – все равно что жить в материализовавшейся вечности. [...] Жизнь в Хуши есть бессмертие»³⁵. Хотя в «Дневнике...» также присутствует этот мотив – на уровне объяснения, даваемого журналистке – «...меня привлекает балканский распад, и я пытаюсь описать это поразительное чувство»³⁶, но применительно к каждому переживаемому мгновению он совершенно утрачивает меланхолический флер и приобретает пугающую конкретность. Предельным воплощением этого «распада» оказывается война на Балканах: «Мы ехали в сторону Сараева. Эта страна была красива красотой давно вымершего зверя. Она выглядела так, словно тут правила одна геология. Но я боялся, что эта красивая и благородная оболочка лопнет и наружу полезут гниющие внутренности, смрад, тлен и прочие ароматы, возвещающие победу одних над другими»³⁷.

Во всех своих травелогах Стасюк в той или иной степени оспаривал главные польские мифы 2000–2010-х гг., связанные со взаимоотношениями Центральной и Юго-Восточной Европы и Запада: о возможности единства при сохранении уникальности, о возможности

31 Millati P. Inna Europa. Nowa mitologia Europy Środkowej w prozie Andrzeja Stasiuka // Nieobecność: pominięcia i przemilczenia w narracjach XX wieku. Warszawa, 2008. S. 176.

32 Czapliński P. Poruszona mapa. Wyobrażenia geograficzno-kulturowa polskiej literatury przełomu XX i XXI wieku. Kraków, 2016. S. 257.

33 Стасюк А. На пути... С. 98.

34 Там же. С. 80.

35 Там же. С. 81, 129.

36 Stasiuk A. Dziennik... S. 106.

37 Ibid. S. 82.

обмена «на равных» (модернизация vs некая дополнительная глубина духовности) и об оптимальности и спасительности западного вектора развития региона. В «На пути в Бабадаг» и «Фад» одержимость повествователя пространством «вечного распада» была не в последнюю очередь связана с опасением, что под натиском глобализации и потребительства эти территории вечного безвременья все же окажутся утрачены. В основе скепсиса писателя относительно экономических реформ 1990-х гг. («Эти края еще современность не пережили как следует, а тут уже постсовременность, еще коммунизм не закончился – и нате вам, уже посткапитализм»³⁸) лежит в том числе убеждение, что результатом может оказаться лишь «пародия на современность», «кривое зеркало Запада»³⁹, ничего больше. В свою очередь, одна из болевых точек «Дневника...», символизирующая бессилие Запада перед обманчиво дремлющим национализмом Центральной и Юго-Восточной Европы, – память о сцене, где Ратко Младич заставляет полковника Карреманса, командира голландского батальона ООН в Поточарах, вместе выкурить сигарету и выпить пива: «Так выглядит поражение Запада»⁴⁰, – заключает повествователь. История Европы XX в. «демонстрирует нам, что общества с легкостью дезинтегрируются, [...] этика отступает и обычные люди обнаруживают себя на краю расстрельных ям с автоматами в руках»⁴¹.

Страх, сменяющий в «Дневнике...» меланхолию, ощущается физически: им «можно затянуться, как папиросным дымом»⁴². Он обретает маршруто- и текстообразующие функции: «Я ехал через эту военную страну и боялся», «Когда-то я не любил эту страну. Испытывал страх. Попросту боялся. [...] Пять, шесть лет назад заправлялся в Турну Северин [...] и на одном баке, без остановок, доезжал до Македонии. Обратное так же. Разве что в Суботице иногда останавливался, потому что там говорили по-венгерски, и мне казалось, что я в каком-то другом месте»⁴³. Он же делает повествование, фиксирующее следы войны (их ожидание, а затем столкновение с ними) более рваным: «За нами должны были приехать, но не приехали. Мы ждали»; «Утром поехали

38 *Wierzejska J.* Przygody pisarza to tylko część wielkiej podróży. Rozmowa z Andrzejem Stasiukiem // *Nowe Książki*. 2010. № 2. S. 137.

39 *Czapliński P.* Poruszona mapa... S. 260.

40 *Stasiuk A.* Dziennik... S. 108.

41 *Снайдеп Т.* О тирании. 20 уроков XX века. М., 2018. С. 10.

42 *Stasiuk A.* Dziennik... S. 37.

43 *Ibid.* S. 81, 118.

дальше. Я испытывал страх. Сожженные дома, внутри которых уже проросли деревца, старики и война, война, война, хотя уже десять лет был мир. Но я боялся»; «Ветер, жара и дожди готовились их [старые надгробия. – И. А.] уничтожить. Они клонились к земле. Напоминали людей»; «На следующий день он повел нас на прогулку. Мы вышли к холмам. Это была северо-восточная оконечность Сараева. Вокруг были кладбища. Одинаковые новые каменные надгробия белели, точно воткнутые в землю кости»⁴⁴.

Иначе ощущается и декларируется повествователем «Дневника...» оппозиция *свой / чужой*.

«Судовой журнал» открывался символическим очерчиванием повествователем «своей Центральной Европы»⁴⁵. В «На пути в Бабадаг» и «Фад» это пространство осмысливается как свое вдвойне – и по факту принадлежности к сообществу центральноевропейцев, и потому, что (подобно тому, как это происходит с фотографиями, согласно описанному Р. Бартом механизму⁴⁶) оно особым образом – в любом «кадре» – отзывается в повествователе. Отсюда некое смутное, но постоянное ощущение ностальгии и *нежности*, дополнительно связующее, скрепляющее ту самую «повесть, что катится во все стороны»: «Я бы хотел, чтобы меня похоронили во всех тех местах, где я был и где еще побываю»⁴⁷.

Повествователь «Дневника...» чувствует себя на Балканах одновременно своим и чужим. С одной стороны, детство его поколения (Стасюк родился через пятнадцать лет после окончания Второй мировой войны) «было пропитано войной»: «Мы жили войной, вспоминали войну, восхищались ею, боялись ее и мечтали о ней. [...] Наверное, я все детство хотел принять участие в какой-нибудь войне. В сущности, я был зол, что она закончилась, что обо всем приходится узнавать у старых теток и бабушек [...]. Наверное, поэтому я поехал в Боснию»⁴⁸. С другой, глядя на даты на надгробии – «1960–1993», повествователь осознает, что, являясь ровесником погибшего, который, как написано

44 Там же. С. 32, 81, 83, 88.

45 Stasiuk A. Dziennik okrętowy // Andruchowicz J., Stasiuk A. Moja Europa. Dwa eseje o Europie zwanej Środkową. Wołowiec, 2000. S. 77.

46 «Вдруг [...] какая-то фотография задевает меня [...]: она оживляет меня, я оживляю ее. Именно так мне следует назвать притягательность, которая дает ей существовать, – одушевление (Барт Р. Camera lucida. С. 35).

47 Стасюк А. На пути... С. 212, 11.

48 Stasiuk A. Dziennik... S. 88–89.

на могильном камне, «отдал жизнь за Боснию и Герцеговину», он сам «в девятьсот девяносто третьем, кажется, не особенно думал о какой-то войне» и даже «не очень хорошо представлял себе, где находится Босния. Она располагалась где-то на редкость далеко, на окраине континента, на краю воображения»⁴⁹.

Осознание себя центральноевропейцем перестает быть источником меланхолической – «горизонтальной», «фотографической» – свободы и от Востока, и от Запада (определение, данное критиком описываемому Стасюком пространству, – «меланхолическое королевство»⁵⁰, в которое входили в том числе и описываемые в первых травелогах территории Юго-Восточной Европы, – обязано своей точностью тому, что оно характеризует и отношение повествователя к этой части Европы, и его самоощущение внутри нее). С одной стороны, в «Дневнике...» сохраняется внутреннее противопоставление себя западноевропейцу: «...я дворяжка, я из других краев [...]. Помесь Востока и Запада. Поэтому я предпочитаю эти еретические страны. Этих отщепенцев, которые время от времени привлекают телевизионщиков со всего мира запахом крови»⁵¹. С другой – повествователь все же ощущает свою инакость: «Я даже в темноте выглядел чужим [...]. Нельзя было спрятаться, невозможно притвориться. Меня выдавала походка и выдавал взгляд. Все меня выдавало. А они были похожи на свою родину»⁵². Именно эта неустойчивость, неопределенность самоощущения заставляет его в Сребренице «стыдиться вынуть фотоаппарат и сделать снимок»⁵³.

Повествователь «Дневника...» словно бы в ужасе отшатывается от возникшего перед его глазами «крупным планом» собственного отражения – порожденной романтическим мессианизмом польской национальной мифологии, базирующейся на культе героической жертвы и включающей в себя некое извращенное, замешанное на мартирологии, соперничество: «...я еду [...] на Балканы, чтобы обо всем этом думать. [...] Где минные поля, минареты, могилы, шаровары и автоматные очереди в мобильниках вместо звонка. Оттуда лучше видно, как моя родина стоит раскорякой и все не может решиться.

49 Ibid. С. 116

50 *Snochowska-Gonzalez C.* Od melancholii do rozpaczy. O prozie Andrzeja Stasiuka // *Studia Litteraria et Historica*. 2013. № 2. С. 299.

51 *Stasiuk A.* Dziennik... С. 121–122.

52 Ibid. С. 101.

53 Ibid. С. 117.

Из этих краев смерти. [...] Смотреть из Вуковара, как моя родина жаждет мученичества, жаждет крови и смерти в эту скудную эпоху [...]. Моя страна, привыкшая к провалам, козням истории, кровопусканию, ждет не дождется резни, ночных бдений, погребальных плачей и похоронных процессий. Пусть нас, черт возьми, убьют, только пусть запомнят! [...] Пусть нас сожгут в подвалах города, чтобы вонь впиталась в стены на века. [...]. Пусть забудут, но так, чтобы помнили. [...] Словно они завидуют евреям с их пламенем, потому что всегда всем завидовали. Немцам – из-за мерседесов, евреям – из-за денег и что они такие знаменитые, потому что ловко дали себя сжечь. Я затем и езжу в Сребреницу, чтобы обо всем этом думать. О своей родине, которая тоскует по резне, но уже не обладает таким мужеством, как Балканы, а потому вынуждена оплакивать старые трупы. Она вытаскивает их из могил и все не может наглядеться»⁵⁴.

Если книги Стасюка, касающиеся пространств, не входящих в его Центральную Европу, какой она была очерчена в «Судовом журнале» («Нет Германии, нет России»⁵⁵), – «Дойчланд» и «Восток» – своего рода психоанализ (применительно к «Дойчланд» об этом говорит сам писатель – «поездка в Германию есть психоанализ»⁵⁶, а «Восток» очевидно посвящен опыту, вытесняемому из польского коллективного сознания⁵⁷), то «Дневник...» – нечто вроде гештальт-терапии, т. е. терапии *контакта*. Это словно бы столкновение наяву с тем, что «было в крови, переданное родителями и дедами, кружило по венам – не хватало только реальной картинки в масштабе один к одному»⁵⁸.

«Дневник» отражает парадоксальное желание *и убежать* «от собственной страны», *и пережить* бремя принадлежности к ней максимально остро, открыто, сильно – «в версии хардкор»⁵⁹. «В конце концов, надо иметь в крови долю некрофилии, чтобы спалить ко всем чертям кусок собственного полуострова. [...] Была в этой резне какая-то бескорыстность. [...] Европа смотрела на них, а они говорили: “Смотрите, как это делается”. [...] Это *memento*, и мы должны быть им благодарны. Нашелся тот, кто напомнил о старых умениях. Пока остальной континент гордо упражнялся в консенсусе, прогрессе

54 Ibid. S. 138.

55 Stasiuk A. Dziennik okrętowy. S. 77.

56 Stasiuk A. Dojczland. Wołowiec, 2007. S. 27.

57 Подробнее см: Czapliński P. Poruszona mapa... S. 150–154.

58 Stasiuk A. Dziennik.... S. 88.

59 Ibid. S. 122.

и мирном сосуществовании, они тут устраивали друг другу *Endlösung* и карнавал в одном флаконе»⁶⁰. Эта «последняя» европейская война безжалостно обнажает последствия невозможности взаимопонимания, «достижения *modus vivendi* разных групп, населяющих одну территорию»⁶¹.

Характерно, что повествователь и здесь почти не стремится реконструировать какие-либо конкретные сюжеты, важен сам факт *соприкосновения* с этим *memento*: «В какой-то момент в Боснии я перестал пытаться угадать, кому принадлежали руины. [...] За Томиславградом меня перестало интересовать, сербские эти трупы домов, хорватские, боснийские или, может, югославские. Я сдался. [...] Я представлял себе далекое пламя в темноте и людей, которые на него смотрят»⁶².

Переживание Балкан как примера выплеснувшегося уже на его памяти «центральноевропейского наследия национализма»⁶³ приводит Стасюка к осознанию невозможности избежать рефлексии о бремени польской ментальности и польской коллективной памяти: «Я сказал себе: теперь думай о своей родине. Как блудный сын, вернувшийся спустя годы. Думай о ней, потому что оказалось, что другой у тебя не будет»⁶⁴. Этим «думаю» посвящена третья часть «Дневника», своего рода горькое возвращение к своей польскости, лирически-гротескный монолог, которому предпослан выразительный эпиграф из Э. Чорана: «Мне понадобилась вся жизнь, чтобы привыкнуть к мысли, что я румын»⁶⁵.

Источники и литература

Адельгейм И. Е. Поэтика «промежутка»: молодая польская проза после 1989 года. М.: Индрик, 2005. 544 с. DOI: 10.31168/91674-501-6.

Адельгейм И. Е. «Вечное настоящее». Фотографическое видение Анджея Стасюка («На пути в Бабадаг») // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 295–311. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.16.

Барм Р. *Camera lucida*. М.: Ad Marginem, 1997. 87 с.

60 Ibid. S. 107.

61 Fazan J. “Kundel... S. 184.

62 Stasiuk A. Dziennik... S. 120.

63 Snochowska-Gonzalez C. Od melancholii... S. 323.

64 Stasiuk A. Dziennik... S. 157.

65 Ibid. S. 129.

Безруков А. Н. Феноменология путешествия в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Ф. М. Достоевского // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы. Новосибирск: Издательство НГПУ, 2016. С. 183–199. DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-38-44.

Пономарев Е. Травелог vs. путевой очерк: постколониализм российского извода. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/166_nlo_6_2020/article/22969/ (дата обращения: 27.01.2025).

Снайдер Т. О тирании. 20 уроков XX века. М.: Corpus, 2018. 192 с.

Сонтаг С. О фотографии. М.: Ad Marginem, 2014. 272 с.

Стасюк А. На пути в Бабадаг / пер. И. Адельгейм. М.: НЛЮ, 2009. 288 с.

Baglajewski A. Mapa, podróż, czas // Kresy. 2004. № 4. S. 95–101.

Czapliński P. Poruszona mapa. Wyobrażenia geograficzno-kulturowa polskiej literatury przełomu XX i XXI wieku. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2016. 420 s.

Fazan J. “Kundel, hiena, mieszaniec”. Geopolityczne wyprawy Andrzeja Stasiuka // W ogrodzie świata: profesorowi Aleksandrowi Fiutowi na siedemdziesiąte urodziny. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. S. 181–192.

Fazan J. Andrzej Stasiuk, syn swego kraju. URL: <https://wiesz.pl/2021/06/06/stasiuk-syn-swego-kraju/> (дата обращения: 27.01.2025).

Millati P. Inna Europa. Nowa mitologia Europy Środkowej w prozie Andrzeja Stasiuka // Nieobecność: pominięcia i przemilczenia w narracjach XX wieku. Red: H. Gosk, B. Karwowska. Warszawa: Elipsa, 2008. S. 51–80.

Patroszenie świata. Z Andrzejem Stasiukiem rozmawiają Katarzyna Janowska i Piotr Mucharski // Tygodnik Powszechny. 2002. № 14. S. 9.

Pilch J. Epifanie spod celi // BruLion. 1991. № 17–18. S. 13.

Snochowska-Gonzalez C. Od melancholii do rozpacz. O prozie Andrzeja Stasiuka // Studia Litteraria et Historica. 2013. № 2. S. 298–330. DOI: 10.11649/slh.2013.013.

Stasiuk A. Dojczland. Wołowiec: Czarne, 2007. 112 s.

Stasiuk A. Dziennik okrętowy // Andruchowicz J., Stasiuk A. Moja Europa. Dwa eseje o Europie zwanej Środkową. Wołowiec: Czarne, 2000. S. 75–140.

Stasiuk A. Dziennik pisany później. Wołowiec: Czarne, 2010. 168 s.

Stasiuk A. Fado. Wołowiec: Czarne, 2006. 176 s.

Stasiuk A. Podróże jak modlitwy URL: <https://www.rp.pl/telewizja/art-15173101-podroze-jak-modlitwy> (дата обращения: 27.01.2025).

Wierzejska J. Przygody pisarza to tylko część wielkiej podróży. Rozmowa z Andrzejem Stasiukiem // Nowe Książki. 2010. № 2. S. 137.

Życie to jednak strata jest. Andrzej Stasiuk w rozmowach z Dorotą Wodecką. Wołowiec: Czarne, 2015. 200 s.

References

- Adel'geim, I. Je. *Poetika promezhutka. Molodaia pol'skaia proza posle 1989 goda*. Moskva: Indrik, 2005, 544 p. DOI: 10.31168/91674-501-6.
- Adel'geim, I. Je. ««Vechoje nastoiashcheje». Fotograficheskoe videnije Andzheia Stasiuka («Na puti v Babadag»)." *Slavianskii al'manakh*, 2024, No 3–4, pp. 295–311. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.16.
- Bagłajewski, A. "Mapa, podróż, czas." *Kresy*, 2004, No 4, pp. 95–101.
- Barthes, R. *Camera lucida*. Moscow: Ad Marginem, 1997, 87 p.
- Bezrukov, A. N. "Fenomenologiiia puteshestviia v «Zimnikh zametkakh o letnikh vpechatleniiakh» F. M. Dostojevskogo." *Russkii travelog XVIII–XX vekov: marshruty, topozy, zhanry i narrativy*. Novosibirsk: Izdatel'stvo NGPU, 2016, pp. 183–199. DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-38-44.
- Czapliński, P. *Poruszona mapa. Wyobrażenia geograficzno-kulturowa polskiej literatury przełomu XX i XXI wieku*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2016. 420 p.
- Fazan, J. ««Kundel, hiena, mieszaniec». Geopolityczne wyprawy Andrzeja Stasiuka." *W ogrodzie świata: profesorowi Aleksandrowi Fiutowi na siedemdziesiąte urodziny*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015, pp. 181–192.
- Fazan, J. *Andrzej Stasiuk, syn swego kraju*. URL: <https://wiesz.pl/2021/06/06/stasiuk-syn-swego-kraju/> (accessed: 27.01.2025).
- Millati, P. "Inna Europa. Nowa mitologia Europy Środkowej w prozie Andrzeja Stasiuka." *Nieobecność: pominięcia i przemilczenia w narracjach XX wieku*. Warszawa: Elipsa, 2008, pp. 51–80.
- Patroszenie świata. Z Andrzejem Stasiukiem rozmawiają Katarzyna Janowska i Piotr Mucharski. *Tygodnik Powszechny*, 2002, No 14, p. 9.
- Pilch, J. "Epifanie spod celi." *BruLion*, 1991, No 17–18, p. 13.
- Ponomarev, Je. *Travelog vs. putevoi ocherk: postkolonializm rossiiskogo izvoda*. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/166_nlo_6_2020/article/22969/ (accessed: 27.01.2025).
- Snochowska-Gonzalez, C. "Od melancholii do rozpacz. O prozie Andrzeja Stasiuka." *Studia Litteraria et Historica*, 2013, No 2, s. 298–330. DOI: 10.11649/slsh.2013.013.
- Snyder, T. *O tiranii. 20 urokov XX veka*. Moscow: Corpus, 2018, 192 p.
- Sontag, S. *O fotografii*. Moscow: Ad Marginem, 2014, 272 p.
- Stasiuk, A. *Dojczland*. Wołowiec: Czarne, 2007, 112 p.
- Stasiuk, A. "Dziennik okrętowy." Andruchowicz J., Stasiuk A. *Moja Europa. Dwa eseje o Europie zwanej Środkową*. Wołowiec: Czarne, 2000, pp. 75–140.
- Stasiuk, A. *Dziennik pisany później*. Wołowiec: Czarne, 2010, 168 p.
- Stasiuk, A. *Fado*. Wołowiec: Czarne, 2006, 176 p.

Stasiuk, A. *Na пути v Babadag*, transl. by I. Adel'geim. Moscow: NLO, 2009. 288 p.

Stasiuk, A. *Podróże jak modlitwy*. URL: <https://www.rp.pl/telewizja/art15173101-podroze-jak-modlitwy> (accessed: 27.01.2025).

Wierzejska, J. "Przygody pisarza to tylko część wielkiej podróży. Rozmowa z Andrzejem Stasiukiem." *Nowe Książki*, 2010, No 2, p. 137.

Życie to jednak strata jest. Andrzej Stasiuk w rozmowach z Dorotą Wodecką. Wołowiec: Czarne, 2015, 200 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.14

I. Ye. Adel'geym

**"To Travel (Without) Stumbling over the History...":
Central Europe and the Balkans in Andrzej Stasiuk's Travelogues**

Irina Ye. Adel'geym

Doctor of Letters, leading research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: adelgejm@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5208-0848

Citation

Adel'geym I. Ye. "To Travel (Without) Stumbling over the History...": Central Europe and the Balkans in Andrzej Stasiuk's Travelogues // Slavic Almanac. 2025. No 1–2. P. 309–324 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.14

Received: 06.02.2025.

Revised: 11.02.2025.

Accepted: 18.03.2025.

Abstract

The article is devoted to the travel prose related to the space of the Central European province and the Balkans by Andrzej Stasiuk, one of the leading contemporary Polish writers. It's primarily about travelogues "On the Way to Babadag" (2004), "Fado" (2006) and "Diary Written Later" (2010), the analysis of which makes it possible to trace the change of the author's narrative strategy in connection with the desire to avoid the historical dimension of the described space ("On the Way to Babadag", "Fado") or, on the contrary, to experience it as fully as possible ("A Diary Written Later"). The key categories for the narrator's perception of the pe-

riphery of Central and South-Eastern Europe are decay and timelessness, and the text-forming emotions are melancholy (“On the Way to Babadag”, “Fado”) and fear (“A Diary Written Later”). Ways of reconstructing the path and the memory of it, narrator’s self-perception as his own / alien in relation to the experienced space are analyzed, as well as an attempt to avoid the historical perspective (which allows to achieve the illusion of spatial balance in the *East / West* semantic field painful for the Polish mentality) and, on the contrary, the experience of collision with History. The experience of the memory of the Balkan space about the war leads the narrator of the “Diary Written Later” to realize the impossibility of avoiding reflection on the burden of Polish mentality and Polish collective memory based on the cult of martyrology.

Keywords

Space, photographic vision, memory, historical perspective, East / West, War in the Balcans.